

14. Хананашвили А. Как это начиналось — Толкин в переводах А. Грузберга / А. Хананашвили // Палантир. — № 38. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/ugolok/gruzberg.shtml>

15. Lakoff G. Language and Women's Place (Язык и положение женщины) / G. Lakoff. — New York : Harper and Row, 1975. — 83 p.

I. M. Derik

TEXT INTERPRETATION AS VIEWED IN TRANSLATION ASPECT

In the focus of the article there are some issues of authentic English belle-letters text interpretation in the process of its literary translation into Ukrainian. The translator's strategies, techniques and the main technologies in Ukrainian translation process are also being researched as contrasted with literary rendering into Russian.

Key words: belle-letters text interpretation, literary translation, the translator's strategies, techniques, the main technologies in translation process.

И. М. Дерик

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА: ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются вопросы интерпретации оригинального англоязычного художественного текста в процессе его литературного перевода на украинский язык. Исследуются переводческие стратегии и тактики, технологии перевода в сопоставлении с русскоязычным переводом.

Ключевые слова: интерпретация, литературный перевод, переводческие стратегии и тактики, технологии перевода.

Стаття надійшла до редакції 20.04.2013 р.

УДК [811.111+811.161.1]'255.2:347.78.034

И. Г. ЛОСИНСКИЙ

«БЛЮЗ РИМСКОЙ СТЕНЫ» У. Х. ОДЕНА: ОПЫТ ПОЛЕМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПЕРЕВОДОВ

В статье проводится предпереводческий анализ и предлагается собственный перевод стихотворения Уистена Хью Одена «Блюз Римской Стены». Определяются основные особенности содержательной и поэтической формы стихотворения.

Ключевые слова: перевод, блюз, образ, поэтическая форма, содержание.

«*Roman Wall Blues*» Уистена Хью Одена — стихотворение, известное русскоязычному читателю. Краткость, простота лексики и кажущаяся очевидность смысла привлекли внимание целого ряда переводчиков, которые его и популяризировали. Хотя то, что досталось широкой читательской аудитории, временами имеет весьма и весьма отдалённое отношение к произведению Одена и заслуживает внимания лишь в качестве примера своеобразного, мягко говоря, подхода к искусству перевода. Попробуем, опираясь исключительно на заложенную в самом стихотворении информацию, для начала разобраться в смыслах произведения.

Over the heather the wet wind blows,
I've lice in my tunic and a cold in my nose.
The rain comes pattering out of the sky,
I'm a Wall soldier, I don't know why.
The mist creeps over the hard gray stone.
My girl's in Tungria; I sleep alone.
Aulus goes hanging around her place,
I don't like his manners, I don't like his face.
Piso's a Christian, he worships a fish;
There'd be no kissing if he had his wish.
She gave me a ring but I diced it away;
I want my girl and I want my pay.
When I'm a veteran with only one eye
I shall do nothing but look at the sky.

Стихотворение было написано У. Х. Оденом в октябре 1937 года как текст песни (арии). Слово *blues* в названии произведения имеет определяющее значение. Блюзовой является тек-

стовая форма (двустипшие с двухчастной структурой). Сравним с “Summertime” Дж. Гершвина:

Summertime, // and the livin' is easy
Fish are jumpin' // and the cotton is high.

Содержание произведения также соответствует определению из «Словаря джазовых терминов»: «*Блюз — сольная народная песня... с характерным лирическим настроением (...меланхолия, грусть). В блюзе поётся о безответной любви и утраченном человеческом достоинстве, о горькой неволе и непосильном труде*» [3]. Все эти базовые темы блюза поднимаются в стихотворении, которое представляет собой мысленный монолог римского легионера. С полным основанием мы можем говорить, что «герой» служит в Британии, в одном из гарнизонов Римской Стены, т. е. Адрианова Вала, построенного императором Адрианом к 126 году н. э. Скорее всего, воин стоит на одной из сторожевых башен: на эту мысль нас наталкивает предлог *over*:

Over the heather the wet wind blows... The mist creeps over the hard gray stone.

Туман может переваливать через крепостную стену или стелиться поверх камней, расположенных перед крепостью (в Британии не редки «*ритуальные камни... одиночные или соборные в группах в горах и на вересковых пустошах*» [8]). Потом его взгляд устремляется в небо: *The rain comes pattering out of the sky.*

Уточним, что солдат мог стоять как внутри отдельно стоящей башни форта, так и на открытом деревянном помосте: дождь стучит либо по черепичной крыше, либо по его металлическому шлему. При этом воин всё время думает о своём бедственном положении, постепенно полностью погружаясь в свои мысли: *I've lice in my tunic* and a cold in my nose.*

Взрослый опытный римский легионер вряд ли позволил бы себе завшиветь, зная, к каким серьёзным последствиям это может привести. Из исторических источников известно, что в каждом римском гарнизоне обязательно были бани. Это определялось высоким уровнем цивилизованности римлян. А вот этот наш солдатик, скорее всего, римлянин только де юре. Он болен. У него ши, насморк, простуда, а может, и начинающийся тиф: *I'm a Wall soldier, I don't know why.*

Настоящий *civis romanus*, римский гражданин, в 17—20-летнем возрасте добровольно поступивший на военную службу сроком на 25 лет, вряд ли задался бы вопросами «зачем?» и «почему?». Тем более, активных боевых действий армия в то время не вела, и легионы занимались, главным образом, строительством и охранной службой. Однако (как и во все времена), если римской армии не хватало добровольцев, воинов набирали принудительно. Вполне вероятно, что он — юноша, которого заставили стать солдатом. В этом случае он служит в так называемых «вспомогательных», второстепенных по отношению к элитным легионам войсках, и вопросы его вполне оправданы. У героя произведения не только разбегаются мысли. Его сознание раздвоено, что порождает в течение всего монолога двойные связи и противопоставления: *heather — wind; mist — stone; girl — I; gave — diced away.*

Сам легионер находится на Британских островах, а его девушка — на континенте: *My girl's in Tugria.* Тунгрия — это часть Римской империи, населённая германскими племенами (территория современной Бельгии). Тунгрийцы действительно были в составе имперских войск в Британии [2]. И если там осталась девушка солдата, вероятно, что он родом оттуда же. Он, видимо, *германец*: *I sleep alone.*

Солдаты, естественно, спали не на квартирах, а в стационарных казармах. Поэтому «сплю один» может обозначать только то, что солдат хранит верность своей девушке, которая так трогательно подарила ему на прощанье кольцо (перстень): *She gave me a ring.*

Характерно, что около каждого форта возникали небольшие поселения (викусы) местных жителей, где можно было получить любовь за деньги, а можно было даже обзавестись временной «женой» и небольшим хозяйством: *Aulus goes hanging around her place.* Авл остался там же, где и девушка солдата: в Тунгрии. Его имя — одно из восемнадцати имён, наиболее распространённых в Риме (например, «*Авл Геллий (лат. Aulus Gellius; ок. 130—180) — древнеримский латинский писатель, грамматик и эрудит*») [6]. Скорее всего, это кто-то из легионеров. Соперник. Или у солдата просто муки ревности: *I don't like his manners, I don't like his face.*

Следующий персонаж размышлений лирического героя — Пизон. *Piso's a Christian, he worships a fish.* Piso — это римское родовое имя (например, «*Луций Кальпурний Пизон, наместник Македонии, душеприказчик Юлия Цезаря*» [1]). Этот римлянин проповедует христианство в то суровое время, когда «...законы Нерона не были отменены, но не всегда применялись» [5]. Вспомним, что именно при императоре Нероне христиане подверглись жестокому гонению,

* Переводчик М. Ищенко (Сан-Франциско): «...*tunic* может переводиться и как *римская туника*, и как *британская военная гимнастёрка*. Это как бы придаёт стихотворению “темпоральную универсальность”, вырывая текст из определённого исторического периода и распространяя его на все времена».

и солдату-христианину эти самые законы могли сулить только одно: смерть. То, что Пизон «поклоняется» рыбе, вполне понятно: иконографии Христа в то время не было, и рыба (по-древнегречески ἰχθύς (ichthys) — «ихтис») служила образом акронима, образованного от Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήρ — «Иисус Христос Божий Сын Спаситель»: *There'd be no kissing if he had his wish*. По этим строчкам мы можем судить, что молодой солдат интересовался этой новой религией. Римлянин Пизон хотел бы отменить поцелуи. Какие? Выступал ли он за чистоту нравов среди солдат гарнизона? Либо призывал вообще отказаться от продолжения рода в связи с приближающимся концом света? В то время среди христианских общин царило эсхатологическое ожидание Страшного Суда («*Была исчислена вероятная дата второго пришествия Христа и исхождения Нового Иерусалима — 176 год. Показательно, что лихорадочное ожидание «конца света» усилило стремление к аскетическому одиночеству, безбрачию*») [7]. Возможно, проповеди именно этого христианина побудили солдата «спать одному», но, в конце концов, так и не смогли оградить от разного рода страстей: *She gave me a ring but I diced it away*. Подарок девушки оказывается проигранным в кости: *I want my girl and I want my pay* [6]. Кроме любви, солдат хочет получить положенное ему солдатское жалованье. Выплату могли задержать, это случалось нередко в ту эпоху. Может быть, деньги нужны солдату для того, чтобы снова играть в кости, а может, чтобы выкупить своё кольцо.

Представляет интерес, на наш взгляд, и перечень тем, волнующих «простого» легионера, который в ненастье, в состоянии болезни несёт службу в отдалённом гарнизоне. Представим их (в упрощённом виде) в порядке появления в тексте: *Пейзаж. Личное здоровье. Служба. Любовь и ревность. Друзья и недруги. Религия. Совесть. Стремления. Будущее. Философия жизни*.

В последнем двустишии мы видим воина, мечтающего о тех временах, когда он, став ветераном, сможет уйти на покой: *When I'm a veteran with only one eye*.

Понимая опасность военной жизни и неизбежность ранений, он всё-таки надеется, что его не убьют, что ему не отрубят руку или ногу. Он представляет себя ветераном только лишь (!) с выбитым глазом. Что ж, такой образ (одноглазый воин с повязкой через лицо) вызывает романтические аллюзии, хотя уже и в связи с пиратами и полководцами, даже 20 веков спустя. Но вот то, о чём говорится дальше, представляет, на наш субъективный взгляд, квинтэссенцию этого прекрасного стихотворения. Увы, утерянную в современных переводах. О чём же мечтает солдат, грезя о далёком будущем? О богатстве, о жене и детях, о домике в деревне, о петрониевских кулинарных или прочих оргиях? — Нет: *I shall do nothing but look at the sky*.

Кто же он на самом деле этот человек, этот солдат-философ, главная мечта которого — просто смотреть в небо? Что он видит, что хочет увидеть? Не пытаюсь усложнить мысли простого легионера, но подчёркивая глубину замысла поэта, приведём небольшую цитату из книги о даосизме: «*Недеяние — это не пустота, это состояние забвения и памяти одновременно, это выход из круговорота жизни и смерти... Недеяние — это просветление, озарение*» [4]. Имеет право на жизнь и такая версия: солдат, уже больной тифом, бредящий, упал и смотрит вверх, и последние строки — финал не только его монолога, но и жизни.

Предложим свой вариант перевода стихотворения, в котором автор, наряду с другими переводчиками, сделал попытку сохранить букву и дух «Блюза Римской Стены»:

Над вереском влажный ветер летит,
Вши под туникой, и горло болит.
Дождь барабанит, придя с вышины,
Не знаю зачем, я — солдат у Стены.
Туман по камням подползает седым.
Девушка — в Тунгрии; сплю один.
Авл вокруг её дома кружит:
Лицо мне его не по нраву и вид.
Рыба Пизону крещёному — бог.
Лобзанья бы он запретил, если б мог.
Я перстень продул, что дала мне она;
Подругу хочу я и плату сполна.
Вернусь ветераном без глаза. И впредь
Не занят ничем, буду в небо смотреть.

В сложную поэтическую форму стихотворения Уистена Хью Одена «Блюз Римской Стены» заключено не менее сложное содержание, выраженное сплетением многоплановых образов, которые складываются в определённую систему. Автору перевода необходимо сохранить не только компоненты содержания, но и поэтическую форму. Поскольку ни в каком другом жанре игра формы не имеет такого важного значения, нигде больше эстетическая информация не представлена такой концентрацией средств, как в поэзии.

1. Авл Геллий. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ru.wikipedia.org/wiki/Геллий>
2. Банников А. В. Позднеримские AUXILIA. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://ancientrome.ru/publik/bannikov/bann01.htm>

3. *Блюз*. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.jazzpla.net/jazztermin/Blues.htm>
4. *Даосизм. Недеяние*. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.sunhome.ru/religion/12250>
5. *Древний Рим. Кальпурнии Пизоны*. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : http://gugukaran.narod.ru/roma/calpurnii_pisoni.html
6. *Зиновьев А. Тайна Откровения*. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://www.protos7.ru/KnigaTO/Glava3TO.htm>
7. *История Церкви*. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : http://www.pravostok.ru/ru/orthodoxy/church_history/?id=87
8. *Поиски ключа к тайне Стоунхенджа*. [Електронний ресурс]. — Режим доступа : <http://archeo-logy.ru/>

І. Г. Лосинський

«БЛЮЗ РИМСЬКОЇ СТІНИ» В. Х. ОДЕНА: СПРОБА ПОЛЕМІЧНОГО АНАЛІЗУ ПЕРЕКЛАДІВ

У статті проводиться передперекладацький аналіз і пропонується власний переклад вірша Вістена Хью Одена «Блюз Римської Стіни». Визначаються основні особливості змістовної та поетичної форми вірша.

Ключові слова: переклад, блюз, образ, поетична форма, зміст.

I. G. Losynsky

“ROMAN WALL BLUES”: POLEMIC ANALYSIS OF THE TRANSLATIONS

The translation commentary of the poem “Roman Wall Blues” is given in the article. The author highlights the main peculiarities of poetical form and contents of the poem. Own translation is given in the article to compare with the existed ones.

Key words: translation, blues, image, poetical form, contents.

Стаття надійшла до редакції 02.04.2013 р.

УДК [811.133.1+811.161.2]’255.4’364’373.47

М. Д. МАРІНАШВІЛІ

ЛЕКСИЧНІ ТРАНСФОРМАЦІЇ Й ЕКСПРЕСИВНА КОНКРЕТИЗАЦІЯ У ПЕРЕКЛАДІ (на матеріалі перекладу роману Ф. Саган «Bonjour tristesse» українською мовою)

У статті представлено результати аналізу лексико-семантичних та лексико-синтаксичних трансформацій, використаних у перекладі роману Ф. Саган «Bonjour tristesse» («Здрастуй, печаль!») українською мовою. Вивчено також явище експресивно-стилістичної конкретизації у перекладі досліджуваного роману.

Ключові слова: перекладацькі трансформації, лексико-семантичні трансформації, лексико-синтаксичні трансформації, експресивна конкретизація.

Одним із важливих завдань сучасного перекладознавства є вивчення способів досягнення перекладацької еквівалентності [напр.: 3; 5; 6; 8; 9; 10; 11]. В межах цієї проблеми значного інтересу набуває питання про особливості використання трансформацій у перекладі художнього тексту.

Метою нашого дослідження є виявлення й аналіз лексичних трансформацій і експресивно-стилістичної конкретизації в українському перекладі роману Франсуази Саган «Bonjour tristesse», здійсненому Яремою Кравцем. Загалом виокремлено та проаналізовано 280 контекстів, у яких мають місце лексичні та стилістичні трансформації.

Прийоми логічного мислення, за допомогою яких перекладач розкриває значення іншомовного слова в контексті і знаходить йому в мові перекладу відповідник, що не збігається зі словниковим, прийнято називати лексичними трансформаціями (лексико-семантичними трансформаціями [11, с. 127], лексичними замінами [3, с. 210]). У семантичному відношенні їхня сутність полягає у заміні перекладної лексичної одиниці словом чи словосполученням іншої внутрішньої форми, що актуалізує ту сему, яка підлягає реалізації в даному контексті [6, с. 38]. Лексичні трансформації можуть супроводжуватися модифікаціями синтаксичної структури висловлення [11, с. 129].